

Москва. Новости. — 1995. — 12-19 марта. — С. 19. Рукописи не горят. Холсты тоже

Залог значимости этой сравнительно недлинной документальной киноленты (она еще в работе) — имена ее авторов: сценариста Майи Туrowsкой, композитора Исаака Шварца, художника Александра Бойма и режиссера Марианны Таврог.

Фильм называется «Сентиментальный гротеск», и это слегка причудливое словосочетание как нельзя лучше метит явление, которому он посвящен.

Явление, до сих пор остающееся если не белым, то все же смутным пятном в нашей культурно-исторической памяти. Речь идет о сценографии знаменитого еврейского театра в Москве — того самого ГОСЕТа, что сгинул в сорок восьмом году с началом «великой» антисемитской кампании.

Шагал, Тышлер, Фальк, Штеренберг, Альтман, Рабинович. Собственно, ни одного из них нельзя без натяжки назвать еврейским художником. Даже Шагала, больше других тяготевшего к еврейской тематике. Все они в конечном счете русские мастера, хотя национальное мироощущение легко уловимо в их

творчестве. Однако то, что они создавали на протяжении двух с половиной десятилетий в стенах ГОСЕТа, имеет право считаться своеобразным пластом отечественной культуры.

Тон этому своеобразию задал Шагал. Вытесненный из милого его сердцу Витебска неистовым Малевичем, пригнанный в Москве знаменитым критиком (и провидцем) Абрамом Эфросом, одним из главных энтузиастов и соиздателей будущего ГОСЕТа, Шагал, еще до того как сложилась труппа, мощно воплотил в своих панно и настенных росписях первооснову поэтики грядущих театральных представлений. Вобрав в свое творчество, по выражению Эфроса, «модернизм и зачатки будущего, он протянул нити к коренным обликам старого еврейского быта и провел их со всем живым и мертвым инвентарем, длиннополостью и длиннобородо-

Исаак Рабинович. Колдунья. Эскиз костюма.

стью, и чудачеством, и обыденностью, и фантастикой... на театральные подмостки».

Создавая свои панно, художник, конечно же, не предвидел их многострадальной судьбы. Их счастливой судьбы. Чудом выжившие в круговерти политических акций по искоренению формализма, космополитизма, буржуазного национализма, не погибшие среди театрального хлама в годы военного лихолетья, они дождались своего часа и, обретя трудами швейцарских реставраторов первозданный облик, явили себя миру. (В данный момент

вместе с другими работами Шагала они в долгом, многомесячном путешествии по городам и весям Европы.) Одна из наиболее любопытных идей авторов ленты — оживить средствами мультипликации рисунки к трем концептуальным спектаклям театра — «Ночь на старом рынке» (Фальк), «Колдунья» и

«Путешествие Вениамина III» (Рабинович). Эффект может быть удивительным, ибо движения, мимика изображенных персонажей и впрямь будто просятся в беготню, пляс, пересуды, шутовскую клоунаду — в то живое динамичное состояние, которое Мандельштам когда-то назвал «пластикой гетто и местечек».

«Сентиментальный гротеск» — точное распознавание сути. Но глядя на эскизы Фалька, Рабиновича, Альтмана и других художников, ясно видишь, как много было в этом гротеске трагически-мрачного, страхово-людно-мистического, карнавалльно-дерзкого. Невольно роднящего его с виденьем (и «виденьями») других мастеров гротеска — Калло, Гойи, Домье. И тем самым рождающего ощущение глобальности, всечеловечности той образной стихии, которую запечатлели живописцы еврейского театра.

Вряд ли надо доказывать, что фильмы подобного рода выполняют не одну лишь просветительскую миссию. Они — наглядное подтверждение великой и древней мудрости (о которой, естественно, знал любимый писатель): рукописи не горят. Холсты тоже.

Марк КУШНИРОВ